

УДК 82 - 12 (575. 2) (04)

*Соронкулов Г.У., канд. пед. наук, доцент
НАН КР (Кыргызстан, Бишкек)*

«...ГЕНИАЛЬНОЕ ВСЕГДА ОТЧАСТИ ЗАГАДОЧНО»

(о стихотворении А.С. Пушкина
"Стамбул гяуры нынче славят...")

Аннотация: статья посвящена анализу одного из самых загадочных «восточных» стихотворений А.С. Пушкина – шедевр, свидетельствующему о «протеизме» великого русского поэта. Автор статьи убеждён, что данное стихотворение содержит в себе значительный отпечаток западно-восточных дипломатических отношений первой трети XIX века.

Ключевые слова: протеизм, ориентальная поэма, «Путешествие в Арзрум», янычар Амин-Оглу, «древний Восток», «лукавый Запад», западно-восточные дипломатические отношения, художественная концепция Востока.

Специалистами это «восточное стихотворение», написанное А.С. Пушкиным в октябре 1830 года, через год после возвращения из действующей армии, относится к числу безусловных шедевров. Н.И. Черняев, говоря о протеизме Пушкина, отмечал, что никакой турецкий поэт «не написал бы ничего более турецкого и более восточного, чем «Стамбул гяуры нынче славят». Каждый стих этого превосходного стихотворения проникнут чисто турецким религиозно-национальным фанатизмом, чисто турецкой гордостью, самоуверенностью, воинственностью, чувственностью и апатией. <...> Здесь уже нет и тени пламенной арабской фантазии: здесь мы имеем дело с духовным миром совсем иного закала, и как бесподобно передал поэт все самые сокровенные помыслы завязтого турка, не тронутого европейской цивилизацией» [8; 158-159].

Глубина проникновения русским поэтом в турецкую действительность изображаемого периода здесь действительно столь поразительна, что это дало историку-востоковеду М.С. Лазареву основания предположить: у Пушкина, вероятно,

«был турецкий информатор (а может быть, не один), подробно осведомивший его о насущных проблемах тогдашней турецкой жизни» [6; 12].

Однако великий русский поэт, во всей полноте воплощающий в себе национальное начало, в то же время был чрезвычайно восприимчив к иным национальным мирам и культурам. Недаром Ф.М. Достоевский в своей «Речи о Пушкине» отметил, что в его творчестве «засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении». Действительно, Пушкин, как никто другой, умел художественно перевоплощаться в человека иной национальности, говорить как бы от его имени, с предельной достоверностью передавал характерные особенности чужого национального мира. Это дало повод современникам назвать это свойство пушкинского таланта «протеизмом», по аналогии с античным мифическим Протеем – вещим старцем, способным превращаться в любое существо, а Достоевскому – назвать «всемирной отзывчивостью» [4].

«“Стамбул гяуры нынче славят...” – перл в пушкинском творчестве, еще недостаточно оценённый и во многом загадочный, – писал М.С. Лазарев. – Давно замечено, что гениальное всегда отчасти загадочно» [6; 11].

О недостаточной проявленности смыслового содержания текста писал и Д.Д. Благой, предполагавший дать «развернутый анализ этого во многом загадочного стихотворения» [2; 522], но не успевший выполнить свой замысел.

Относительно недавно к исследованию этого шедевра обратился Д.И. Белкин. В.А. Кошелев отмечает, что учёный «уточнил источники сведений Пушкина о быте турецкой столицы, об обстоятельствах кровавого разгрома янычар <...> и предположил, что «Стамбул...» – это начало большой «ориентальной» поэмы, которая не была продолжена потому, что Пушкин познакомился с сочинениями О.И. Сенковского «касательно Востока» и решил не конкурировать с видным ориенталистом. Предположение это – не более чем гипотеза, весьма слабо аргументированная» [5; 159].

Стихотворение это известно в двух вариантах. Один из них, более поздний, – усечённый, без последних шестнадцати стихов, и вошедший, с изменениями в нескольких строках, в опубликованный прижизненный текст «Путешествия в Арзрум» («Современник», т.1, 1836 г.). Второй – полный, именно тот, что написан год спустя после возвращения Пушкина с Кавказской войны (Болдино, осень 1830 г.).

В тексте «Путешествия» стихотворению предшествуют слова: «Между Арзрумом и Константинополем существует соперничество как между Казанью и Москвою. Вот начало сатирической поэмы, сочинённой янычаром Амином-Оглу».

И само стихотворение, и два предложения, предшествующие ему в тексте «Путешествия в Арзрум», на протяжении уже многих лет привлекают внимание исследователей и комментаторов.

Конечно, основной «видимой» темой здесь является резкий контраст между двумя городами – Стамбулом и Арзрумом.

Но каков художественный смысл, развиваемый Пушкиным в форме этого поэтического противопоставления?

«Правда древнего Востока»

Н.Я. Эйдельман отмечал, что «...в свое время делались попытки сопоставить взгляд Пушкина на бунт янычар с борьбой Петра против стрельцов и оппозиционного боярства» [9; 200]. Далее исследователь указывал: «Некоторые пушкинисты находят связь между «восточным стихотворением» и только что написанной «Моей родословной». Честные, храбрые, дряхлеющие роды оттеснены «новой знатью» – порочными временщиками; мятежи кончаются худо (сравнение соперничества Стамбула с Арзрумом и Москвы с Казанью нарочито неточное: не с Казанью, а с Петербургом!)» [9; 11].

В подтексте стихотворения такое сопоставление, как очевидно, присутствует.

Но, что также самоочевидно, оно является производным от соотношения более глобального.

Уже в тексте «Путешествия» Пушкин, акцентируя соперничество между Арзрумом и Константинополем (заметьте,

не Стамбулом!), имеет в виду соперничество между азиатской и европейской частями государства, а шире – явно между Востоком и Западом.

А в самом начале «сатирической поэмы янычара Амин-Оглу» конфликт Арзрума со Стамбулом «открытым текстом» представлен как столкновение «правды древнего Востока» с пороками «лукавого Запада»:

Стамбул отрёкся от пророка:
В нём правду древнего *Востока*
Лукавый *Запад* омрачил.

При этом, как убедительно показано исследователями, стихотворение поражает особой объективностью Пушкина при изображении турецкой действительности: он сумел посмотреть на неё не только «взором европейца», но также – «изнутри» [1; 123-124].

Воссоздавая свой обобщённый образ мусульманского «восточного характера», опираясь на собственный недавний творческий опыт, воплотившийся в «Подражаниях Корану» (1825 г.), Пушкин «вживается в этот характер», в «коранический строй мышления». И стихотворение органично вписывается в замысел «Путешествия», как и примыкающих к нему пушкинских произведений: «...раскрыть живой и достоверный мир Востока во всей подлинности и глубинных человеческих проявлениях» [7; 145-146].

И в результате возникает удивительный, парадоксальный эффект!

При всей суровости картины жизни в «Арзруме нагорном», жизни, подчинённой соблюдению строжайших заповедей Корана, она, неожиданно для читателя, оказывается по-своему эмоционально привлекательной. «Правда древнего Востока», как будто чуждая и даже прямо противопоставляемая «вкусу и зору европейца», вдруг начинает поневоле покорять европейца своеобразным поэтическим обаянием. И происходит это потому, что стихотворение Пушкина написано «поразительным даже для него по своей пламенной силе, суровой энергии, кованым, как булатные восточные клинки, стихом...» [2; 522].

«Лукавый Запад»

Чтобы прояснить оттенки смысла этого стихотворения, целесообразно, прежде всего, присмотреться к особенностям современной поэту политической ситуации как внутри Турции тех лет, так и вокруг Османской империи.

В специальных работах, посвящённых анализу этого шедевра, справедливо в целом утверждается, что в нём автор описывает турецкую действительность после жестокого подавления султаном Махмудом II (1785–1839 гг.) янычарского бунта 1826 года.

Но данный комментарий представляется достаточно адекватным только применительно к заключительной, третьей части стихотворения, начинающейся со слов:

Алла велик!

К нам из Стамбула

Пришёл гонимый янычар.

А ведь произведение, как неоднократно отмечалось исследователями, очень чётко делится на три, органически связанные между собою, части. И первые две части позволяют нам «отодвинуть» время действия стихотворения на добрый десяток лет назад от 15 июня 1826 года, когда произошло восстание янычар.

Приведём свои соображения по этому поводу. Пушкинские строки, а точнее – две первые части стихотворения, на наш взгляд, содержат в себе значительный отпечаток западно-восточных дипломатических отношений тех лет – они являются в определённой степени своеобразным продолжением таких произведений, как «Олегов щит» и «Опять увенчаны мы славой...». Во вступлении (первые пять строк) под «гяурами», славящими Стамбул, Пушкин, вне всякого сомнения, имеет в виду дипломатические круги Англии, Австрии, Франции, которые уже с конца 1815 года всячески старались помешать России в осуществлении ее военно-политических замыслов в данном регионе [3; 442].

Вторая же, центральная, часть стихотворения, начинающаяся строкой «Стамбул отрёкся от пророка...» и завершающаяся словами «Харемы наши молчаливы,

Непроницаемы стоят», напоминает содержание патетического воззвания султана Махмуда II (Хатти-шериф, 31 марта 1821 г.) к своему народу в ответ на расширяющийся пожар греческого восстания. Имея целью оказать в этой экстремальной ситуации воздействие на усиление религиозных страстей турок, оно предписывало им «отказаться от удовольствий общественной жизни, приобрести оружие и лошадей и вернуться к обычаям предков и прежней воинственной жизни турецкого народа» [3; 205]. Это обращение в своё время имело огромный резонанс в магометанском мире.

Удивительная осведомлённость Пушкина о соседней азиатской державе, на наш взгляд, объясняется тем, что именно в это время находился в южной ссылке, близ тогдашних северных границ Османской империи. Он внимательно следил за тем, как разворачивались события, хотел принять участие в войне, готовился к ней и даже начал изучать турецкий язык (!).

Кстати, Н.Я. Эйдельман, возможно, предполагал коснуться и затронутой нами темы – о том, что загадочное стихотворение, приписанное Пушкиным поэту-янычару, сопряжено с событиями более широкого исторического диапазона, чем только бунт янычаров и его подавление султаном: «Исследователи <...> удивлялись «странной потребности рассказать публике» о ряде событий турецкой истории» [9; 200].

Рассмотрение стихотворений пушкинского «Кавказского цикла» конца 1820-х – начала 1830-х годов в свете специфики военно-политической ситуации тех лет, во взаимосвязях этих стихотворений между собой и в русле становления художественной концепции Востока в творчестве Пушкина, позволяет подтвердить, развить и наполнить конкретным содержанием вывод названного в начале нашей работы историка М.С. Лазарева: «Если для Гете его «Западно-восточный диван» есть интеллектуальное влечение гения, то для Пушкина кавказско-восточные, в том числе турецкие, мотивы есть выражение его внутренней духовной сущности» [6; 14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин, Д.И. О комментарии к стихам “Стамбул гяуры нынче славят...” / Д.И. Белкин // Болдинские чтения: 1982. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1983. – С. 123. – 124.
2. Благой, Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830) [Текст]: монография / Д.Д. Благой. – М.: Сов. писатель, 1967. – С. 522.
3. Дебидур, А. Дипломатическая история Европы: Священный союз от Венского до Берлинского конгресса (1814–1878) [Текст]: монография; в 2-х т. [пер. с франц.] / А. Дебидур. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – Т. 1. – С. 442.
4. См.: Каланович, София [Электронный ресурс] / София Каланович. – Режим доступа: [a - sult - h.likejournal.com/1192030.html](http://a-sult-h.likejournal.com/1192030.html)
5. Кошелев, В.А. Историческая оппозиция “Запад – Восток” в творческом сознании Пушкина / В.А. Кошелев // Пушкин и мир Востока. – М.: Наука, 1999. – С. 159.
6. Лазарев, М.С. “Да, азиаты мы...” / предисловие к кн.: Эйдельман, Н.Я. “Быть может, за хребтом Кавказа...” (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст) [Текст]: монография / Н.Я. Эйдельман. – М.: Наука, 1990. – С. 12.
7. Тартаковская, Л.А. “Путешествие в Арзрум”: Художественное исследование Востока / Л.А. Тартаковская // Творчество Пушкина и зарубежный Восток / сб. ст. под ред. Е.П. Чельшева. – М.: Наука, 1991. – С. 145–146.
8. Черняев, Н.И. Критические статьи и заметки о Пушкине [Текст]: монография / Н.И. Черняев. – Харьков, 1900. – С. 3–4 / См. в кн.: Пушкин и мир Востока. – М.: Наука, 1999. – С. 158–159.
9. Эйдельман Н.Я. “Быть может, за хребтом Кавказа...” (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст) [Текст]: монография / Н.Я. Эйдельман. – М.: Наука, 1990. – С. 200.